

УДК 811.161(474.2)

Э. Кююн

РОЛЬ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА КАК СИМВОЛА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Цель статьи состоит в том, чтобы описать формирование этнической идентичности русскоговорящих людей, живущих в русскоязычных регионах Эстонии как постсоветского государства, а также изучить, как языковой выбор и переключение на другой язык национальных меньшинств в Эстонии влияет на формирование их этнической идентификации. Исследованию предшествовал сбор материала методом опроса.

Ключевые слова: языковая политика, идентичность, переключение на другой язык, эстонский язык, русский язык, другие языки.

Исторически в разных государствах бок о бок жило несколько языковых общин, и, хотя иммиграция на фоне межпограничных переселений – сама по себе очень старое явление, для информационной эпохи характерна тенденция все более трудного сохранения языков и культуры меньших групп [13. С. 74]. В то же время возможна и обратная ситуация: возникают новые идентификации в результате так называемого смешения, либо того же переключения на другой язык (*ibid.*). В Эстонии отмечаются похожие тенденции, корни которых уходят в период, когда она еще входила в состав СССР.

Советская эпоха привела в Эстонскую ССР народ, отличавшийся и в языковом, и в культурном смысле. В ходе аккультурации могут сформироваться двойные или множественные идентификации [см. например: 8. С. 647; 39. С. 241]; либо возможен сплав двух культур, и тем самым формируется новая культура, со своими собственными признаками. И тогда аккультурация может стать движущей силой для возникновения новых идентификаций [см. например: 17. С. 406; 40. С. 81]. Подобные новые механизмы возникновения идентификаций действуют во многих

---

* Статья представлена на Международной научной конференции «Uralo-indogermanica», посвященной лингвисту Р.-П. Риттеру (1938–2011). (16–17 октября 2014 г., Нарвский колледж, филиал Тартуского ун-та.)

группах общества, которые при более долгом проживании в целевой стране отдаляются от своей исконной культуры [40. С. 81; 39. С. 246].

В случае русскоязычных жителей и представителей третьих национальностей, которые родились в Эстонии, наблюдается очевидная разница в идентификации: они не считают себя принадлежащими к той же группе, куда входят мигранты советского времени или их потомки, а, как оказалось, уже формируется новая эстонско-русская идентификация [14. С. 73; 45. С. 240; 46. С. 70].

Общественные связи языка и этнической идентификации

В разных исследованиях [см. напр. 37. С. 317; 21. С. 394; 5. С. 36; 13. С. 192; 9. С. 163] в формировании идентификации упор делается именно на язык: языковой выбор (англ. *language choice*) видится как способ определения идентификации (*ibid.*). Но то что языковой выбор видится как важнейшая часть при формировании этнической идентификации [37. С. 314; 5. С. 36; 29. С. 67; 9. С. 35; 9. С. 49], не означает только использование определенного языка в своей речи, а предполагает также чувство принадлежности к группе других людей, говорящих на том же языке (*ibid.*).

В разных трактовках одним из наиболее важных признаков этнической идентификации выделяется наличие своего исконного языка, но на самом деле это имеет вес даже в случае, если владение языком находится на сравнительно низком уровне [см. например: 6. С. 57; 3. С. 345]. Характерная для современности глобализация может прежде всего из-за миграции предоставить меньшинствам, входящим в состав государства, несколько меньше возможностей для сохранения своей этнической идентификации [13. С. 195; 5. С. 36].

О переключении национальных меньшинств на другой язык

Процессы переключения на другой язык (англ. *language shift*) зависят от нескольких факторов, важнейшие из которых – характерная для современного мира иммиграция и отношение к разным языкам (статус языка) [20. С. 117; 12. С. 191]. Языковым выбором может сильно управлять также переключение на другой язык, определяемое возможностями для образования последующего поколения [29. С. 106], хотя это не всегда означает смену культуры и идентификации [см. например: 3. С. 352]. Не менее важны языковая среда, влияние СМИ на языковые предпочтения и возможности изучения языков [29. С. 106]. В результате социальных изменений в той же самой социальной организации переключение на другой язык может начаться и закончиться, охватив два поколения [11. С. 72; 4. С. 62; 1. С. 39; 6. С. 56; 16. С. 372].

Советская языковая политика как инструмент влияния на переключение на другой язык

Направления языковой политики и идеологии могут стать движущей силой и при переключении на другой язык [33. С. 247; 3. С. 343; 42. С. 91]. Советская политика дала русскоязычному населению повод иммигрировать на территории, которые раньше не были заселены русскоязычными жителями [28. С. 49]. Также применялось принудительное распределение на работу

по окончании школы и службы в армии на всей территории СССР (*ibid.*). У людей, владеющих языком на более высоком уровне, была возможность получить лучшее рабочее место и продвигаться по карьерной лестнице, что укрепляло статус русского языка [33. С. 251]. В официальных документах русский язык был признан языком межнационального общения, что сделало его престижным [32. С. 51; 30. С. 78].

В то же время снизилось количество школ с преподаванием не на русском языке [3. С. 348]. Выходцы из инонациональных частей СССР отправляли своих детей в школы с русским языком обучения [38. С. 45]. Общее образование почти во всех союзных республиках было русскоязычным, а потому и базировалось на русской культуре (*ibid.*). В результате русский язык обрел высокий статус, так что знание русского и его использование стало в бывших союзных республиках действительно престижным [2. С. 74; 42. С. 95].

Вследствие советской языковой идеологии большая часть представителей групп этнических меньшинств со временем приняла русский язык как родной, а свой исконный язык в некоторых случаях сохранился лишь символически [47. С. 98; 7. С. 418; 2. С. 75; 27. С. 74; 42. С. 90; 33. С. 247].

ПРОБЛЕМАТИКА ТЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Помимо выявления языков, используемых в различных языковых средах, нас интересовали также факт и степень влияния социальных процессов на принятие другого языка и утрату собственной этнической идентификации (в случае национальных меньшинств), так называемых третьих национальностей (белорусы, украинцы, азербайджанцы и др.) в условиях Эстонии как постсоветской страны. Таким образом, основная задача данной работы – рассмотрение факторов, влияющих на формирование этнической идентификации. Было также исследовано изменение этнической идентификации респондентов в условиях Эстонии.

В ходе работы рассматривались области языковой среды с высокой концентрацией русскоязычного населения по сравнению с другими регионами Эстонии (города Палдиски и Кохтла-Ярве). Целевой группой опроса были люди в возрасте 30–50 лет, окончившие школу с русским языком обучения.

К результатам опроса была применена программа обработки статистических данных SPSS 13.0, в которой связи между различными факторами анализировались с помощью χ^2 -теста [см.: 25. С. 35].

Языковой выбор и этническая идентификация респондентов на примере Палдиски и Кохтла-Ярве

Языковой выбор и этническая идентификация респондентов проводились в городах Кохтла-Ярве и Палдиски как одним из соответствующих русскоязычным регионам Эстонии.

Народонаселение этих городов по большей части формировалось в условиях советского времени [32. С. 42] соответственно системе всесоюзного распределения на рабочие места по окончании средних специальных и высших учебных заведений [30. С. 74]. Для строительства заводов всесоюзного значения и для работы на этих заводах рабочую силу вербовали по всему Советскому Союзу.

Особую категорию иммигрантов составляли военные, направленные на службу (например, в г. Палдиски) (*ibid.*).

В опросе приняли участие 183 человека (96 женщин и 87 мужчин). Данные собирались при личном контакте, а также по телефону и электронной почте. В качестве общих сведений запрашивалась информация о стране рождения, национальности, родном языке, национальности супруга/сожителя и образовании респондентов.

Языковой выбор респондентов

Большинство респондентов в двух названных регионах в качестве домашнего языка общения используют только русский язык (83,1 %); в остальных случаях второй домашний язык общения – эстонский (10,4 %) или какой-то иной (6,5 %).

При рассмотрении языкового выбора между поколениями выяснилось, что наиболее часто используется русский язык (79,8 % респондентов). Кроме эстонского и русского языка, респонденты упоминали украинский (5,5 %), белорусский (3,3 %) и другие языки (2,7 %): казахский (1), азербайджанский (2), латышский (1) и литовский (1).

Со своими родителями большинство респондентов говорили только на русском языке (79,8 %), часть ответивших (20,2 %) также использовала другие языки (эстонский – 8,7 %, другие языки – 11,5 %). При общении со своими детьми наряду с русским использовались и другие языки; бабушки и дедушки в общении с детьми также использовали другие языки (эстонский – 8,7 %, другие языки – 3,3 %) в качестве второго языка наряду с русским (то же самое относится и к эстонскому языку). В этом случае речь шла о смешанных семьях, где респондент и его супруг(а) оба русские, либо один из супругов русский, а другой – иной национальности.

При анализе масштабности языкового выбора на примере данной группы можно сделать следующие наблюдения: доля русского языка от поколения к поколению увеличилась. Если в общении со своими родителями русский язык респонденты использовали в 79,8 % случаев, то их дети разговаривали с бабушками и дедушками на русском языке в 88 % случаев. Если при общении с родителями эстонский язык использовали 8,7 % респондентов и 11,5 % иные языки, то их дети разговаривали с бабушками и дедушками не только на своем этническом языке, но и на русском языке. Только 3,3 % детей говорили со своими бабушками и дедушками на русском и других языках. Очевидно, что в течение трех поколений произошло заметное переключение на другой язык – в пользу русского.

Для общения вне дома использовались как русский язык, так и эстонский. Вне дома язык общения в основном зависел от уровня владения эстонским среди участников исследования (язык с друзьями – $\chi^2 = 57,820$, $p = 0,000$; язык на работе – $\chi^2 = 47,852$, $p = 0,000$; языковой выбор в магазине и на улице – $\chi^2 = 53,442$, $p = 0,000$). Также языковой выбор зависел от национальности респондента.

При чтении 89,6 % опрошенных использовали только русский язык, 10,4 % читали как на русском, так и на эстонском языке. 47,5 % респондентов смотре-

ли телевизор только на русском языке, 44,8 % – и на русском, и на эстонском языках; в дополнение к передачам на эстонском и русском языках, 2,2 % также смотрели передачи на английском языке, а 5,5 % – на немецком. При чтении основным языком был русский.

Результаты нашего исследования показывают, что в избранных нами районах Эстонии доминирование русского языка очевидно: и дома, и за его пределами, и в случае средств массовой информации.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Этническую идентификацию можно определить как подвид коллективной идентификации, выступающий в качестве символа принадлежности к определенной группе, и, одновременно, коллективное противопоставление себя другим национальностям и традициям [24. С. 581; 29. С. 62; 46. С. 70]. Современное общество с течением времени может размываться или же разнообразить идентификацию [24. С. 577; 14. С. 63; 46. С. 67].

Поскольку общество в Эстонии состоит из различных национальных групп, то вопрос идентификации национальных меньшинств важен для процессов аккультурации [43. С. 39; 26. С. 228; 44. С. 33].

В настоящей статье представлен анализ факторов, влияющих на формирование типов этнической идентификации, а именно:

- с представителями какой национальности респонденты усматривают свое сходство в наибольшей степени;
- какой национальности друзья респондентов;
- традиций и обычаев какой страны придерживаются респонденты.

Традиции, обычаи и сопоставление себя с национальной группой

Мы предприняли также попытку выяснить, следуют ли русскоязычные жители Эстонии только своим этническим традициям и обычаям, чтобы на этой основе определить, произошли ли какие-либо изменения в их этнической идентификации.

По результатам опроса, эстонские и русские обычаи соблюдали 58,5 % респондентов (107 человек), только русские обычаи – 19,9 %, преимущественно русские обычаи – 12,6 % (итого для русских обычаев – 32,6 %), и эстонские обычаи – 8,9 % респондентов. В соблюдении традиций и обычаев наблюдалась связь со страной рождения ($\chi^2 = 141,608$, $df = 8$, $p = 0,000$), с национальностью респондента ($\chi^2 = 184,740$, $df = 8$, $p = 0,000$) и со степенью владения им эстонским языком ($\chi^2 = 180,522$, $df = 12$, $p = 0,000$).

Среди респондентов, родившихся в Эстонии, 82,3 % соблюдали и эстонские, и русские традиции и обычаи, а 12,5 % – только эстонские. Среди респондентов, родившихся в России, 37,1 % посчитали близкими и эстонские, и русские обычаи, а среди уроженцев других государств 88,6 % соблюдали только русские традиции и обычаи. Таким образом, можно говорить об очевидной связи между страной рождения и соблюдением традиций и обычаев.

Кроме того, предпочтения в отношении традиций и обычаев определенного народа зависели от национальности респондентов: среди эстонцев 87,5 % соблю-

дали только эстонские традиции и обычаи; 12,5 % соблюдали также и русские традиции и обычаи. Среди русских 72,6 % соблюдали и эстонские, и русские обычаи и традиции; а представители иных национальностей предпочитали русские традиции и обычаи (88,5 %).

Итак, выяснилось, основная часть респондентов соблюдает и эстонские, и русские традиции и обычаи, на основании чего можно сделать вывод: русскоязычное население Эстонии (по крайней мере та его часть, которая рассматривалась в рамках настоящего исследования) знакома с эстонскими обычаями и традициями и соблюдает их. При этом респонденты русской национальности не забывают и своих собственных этнических традиций. Иные же традиции и обычаи не упоминались, так что можно говорить о том, что влияние на идентификацию русскоязычных респондентов оказала эстонская идентификация.

Поскольку в Эстонии большой национальной группой, наряду с эстонцами, являются русские, составляющие большинство в русскоязычных регионах (например, в Кохтла-Ярве и Палдиски), то в этих регионах, как правило, мелкие этнические группы в отношении языка ассимилируются русскоязычным населением [31. С. 9].

Большая часть наших респондентов посчитала, что они похожи и на русских, и на эстонцев (43,2 %); при этом 48,2 % посчитали, что они похожи только на русских, а малая часть (8,6 %) отождествила себя с эстонцами. С эстонцами отождествили себя этнические эстонцы, которые учились в школе с русским языком обучения.

Родившиеся в Эстонии респонденты, лучше владеющие эстонским языком и чаще общающиеся с эстонцами, считают, что они похожи и на эстонцев, и на русских. Среди русскоязычных респондентов 43,2 % частично признали своей эстонскую идентификацию, что указывает на изменения качества этнической идентификации.

Если сравнить самоопределение респондентов с их национальностью (русские 79,8 %, эстонцы 8,7 %, другие национальности 11,5 %), то выясняется, что в этнической идентификации респондентов произошли изменения. Это можно объяснить воздействием языковой среды и смешанными браками.

Другие этнические группы в основном влились в русскоязычную общину, так что их этническая идентичность также претерпела изменение.

Этническая идентичность

Для взаимного общения различных этнических групп, для понимания друг друга язык – главное средство достижения этой цели [18. С. 12].

У большинства респондентов были русские друзья и знакомые (66,8 %), у 24,0 % среди друзей и знакомых встречались и русские, и эстонцы, а у 9,2 % респондентов друзьями и знакомыми были эстонцы. У респондентов, родившихся в Эстонии, наблюдалось больше друзей и знакомых эстонской национальности.

Традиции и обычаи – это часть идентификации каждой этнической группы [39. С. 225]. Те традиции и обычаи, которые соблюдают наши респонденты, свидетельствуют об их этнической идентификации. Результаты данного опроса показывают, что 58,5 % респондентов соблюдают и русские, и эстонские тра-

диции, то есть эстонские традиции и обычаи оказали влияние на их этническую идентификацию.

Анализ ответов респондентов на вопрос, на представителей какой национальности они считают себя похожими, показал, что 43,2 % респондентов считают себя очень похожими и на русских, и на эстонцев, 48,2 % ответили, что считают себя похожими на русских, а 8,6 % – на эстонцев. Можно сделать вывод, что 43,2 % респондентов приняли и русскую, и эстонскую этническую идентичность.

ИТОГИ

Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что даже после восстановления независимости Эстонии для многих национальных групп, происходящих из различных территорий бывшего Советского Союза, русский язык остается в роли первого языка. И, несмотря на переключение во многих случаях на другой язык, значительное количество респондентов по-прежнему называют в качестве своей национальности свою этническую национальность. Естественно, между владением языком и идентификацией не всегда существует аффективная связь [41. С. 302; 3. С. 341].

С 2007 г. в Эстонии существует возможность изучать языки и культуру своих национальных меньшинств в языковых школах для национальных меньшинств (так называемых воскресных школах) [34. С. 13]. Закон об образовании и Закон о языке Эстонской Республики позволяют даже малочисленным национальным культурным обществам организовывать изучение языка и культуры на своем языке не только в воскресных школах, но и в общеобразовательных школах в рамках «предметов по выбору». Все родители должны быть в курсе подобных возможностей [23. С. 20; 49].

Не забывая об огромном значении средств массовой информации в современном мире, очень важно стимулировать развитие общих информационных каналов для эстонского и неэстонского населения [10. С. 37]. На государственном уровне следует задуматься о том, каковы реальные возможности в создании печатных и виртуальных средств массовой информации для национальных меньшинств и реализации двуязычных инициатив внутри государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Barron-Hauwaert S.* Language Strategies for Bilingual Families: the One-Parent-One-Language Approach. Clevedon: Multilingual Matters, 2004.

2. *Bilaniuk L.* Contested Tongues: Language Politics and Cultural Correction in Ukraine. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

3. *Bilaniuk L., Melnik S.* Atense and shifting balance: Bilingualism and education in Ukraine // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. 11 (3, 4). P. 339–372.

4. *Crystal D.* Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

5. *Dufva H.* Dialogia suomalaisuudesta // S. Laihiala-Kankainen, S. Pietikäinen, H. Dufva (toim.) Moniääninen suomi: kieli, kulttuuri, identiteetti. Jyväskylän yliopisto. Soveltavan kielentutkimuksen keskus. 2002. S. 21–38.

6. *Fishman J. A.* (Ed.). *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
7. *Fournier A.* Mapping identities: Russian resistance to linguistic Ukrainization in Central and Eastern Ukraine. // *Europe-Asia Studies*. 2002. 54 (3). P. 415–433.
8. *Gellner E.* Reply to critics // J. Hall, I. Jarvie (Eds.). *The Social Philosophy of Ernest Gellner*, 1996. P. 623–686.
9. *Iskanius S.* Venäjänkielisten maahanmuuttajaopiskelijoiden kieli-identiteetti. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2005.
10. *Jakobson V.* Role of the Estonian Russian-Language Media in the Integration of the Russian-Speaking Minority into Estonian Society. [Doctoral Dissertation]. Tampere: Tampere University, 2002.
11. *Jansson A.* Sami Language at Home and at School. A Fieldwork Perspective (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia, 36). Sweden: Uppsala University, 2005.
12. *Kaufman D.* Acquisition, attrition, and revitalization of Hebrew in immigrant children // E. Olshtein, G. Hornczyk (Eds.). *Language, Identity, and Immigration*. Jerusalem: The Magnes Press, Hebrew University, 2004. P. 173–196.
13. *Kidd W.* Culture and Identity // T. Heaton, T. Lawson (Eds.). New York: Palgrave, 2002.
14. *Kirch A.* The Russian minority in Estonia: a new linguistic reality, changing identities, and the European Union // *Russian-speaking Immigrant Population in Finland. Seminar in Helsinki, 25–26 September 2003*. (Studia Slavica Finlandensia. Tomus XXI.) Helsinki, 2004. P. 59–78.
15. *Kirch M., Kirch A.* Ethnic relations: Estonians and non-Estonians // *Nationalities Papers*. 1995. Vol. 23 (1), 53.
16. *Komondouros M., McEntee-Atalianis E.* Language attitudes, shift and the ethnolinguistic vitality of the Greek Orthodox community in Istanbul // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 28, 5, 2007. С. 365–384. URL: <<http://ejournals.ebsco.com/direct.asp?ArticleID=4ADABC9473C29C93CC39>> (дата обращения: 29.05.2014).
17. *LaFromboise T., Coleman H. L. K., Gerton J.* Psychological impact of biculturalism. Evidence and theory // *Psychological Bulletin*. Vol. 114. 1993. P. 395–412.
18. *Lauristin M., Vihalemm P.* Sissejuhatus: Uurimuse “Mina. Maailm. Meedia” metodoloogias ja tähendusest. [Введение: О методологии и значении исследования «Я. Мир. СМИ.»]. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2004.
19. *Masso A.* Eesti venekeelne elanikkond: kollektiivse identiteedi ümberkujunemise teedest siirdeühiskonnas. [Magistritöö]. 2002. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool / [Русскоязычное население Эстонии: о путях переформирования коллективной идентификации в переходном обществе.]
20. *McAdams D. P.* The case for unity in the (post)modern self: a modest proposal // R. D. Ashmore, L. Jussim (Eds.). *Self and Identity*. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 106–136.
21. *Mills J.* Being bilingual: perspectives of third generation Asian children on language culture and identity // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 4 (6). 2001. P. 383–402.
22. *Müüripeal E.* Vähemusrahvuste emakeelne haridus // *Haridus*, 2006. С. 3–4, 18–22 / [Образование национальных меньшинств на родном языке.]
23. *Müüripeal E.* Rahvuskultuuriseltside püüaevakoolide hetkeseis ja tulevik / [Настоящее и будущее воскресных школ обществ национальной культуры. 2012.] URL: <http://integratsioon.wordpress.com/2012/07/26/rahvuskultuuriseltside-puuhapevakoolide-hetkeseis-ja-tulevik/> (дата обращения: 12.09.2014).

24. *Nesdale D., Rooney R., Smith L.* Migrant ethnic identity and psychological distress // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 28. 1997. P. 569–588.

25. *Parring A.-M., Vähi M., Käärik E.* Statistilise andmetötluse algõpetus. Tartu Ülikooli kirjastus, 1997.

26. *Pavelson M.* Eestivenelased – kas rahvus- või tööpoliitika sihtrühm? // R. Vetik (toim.). Eesti sotsiaalteaduste aastakonverents IV. Ettekannete ja teeside kogumik. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli kirjastus, 2004. Lk. 227–229.

27. *Pavlenko A.* Russian in post-Soviet countries // *Russian Linguistics*. Vol. 32. 2008. P. 59–80.

28. *Rannut M.* Threats to national language in Europe // G. Stickel (Ed.). *National and European Language Policies. Contributions to the annual conference 2007 of EFNIL in Riga*. 2009. Offprint.

29. *Rannut M., Rannut Ü., Verschik A.* Keel, võim, ühiskond. 2003. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli kirjastus.

30. *Rannut Ü.* Muukeelsete laste integratsioon ja eesti keele omandamine lasteaias. // M. Rannut, M. Kõivupuu, T. Päeva (toim.). *Eesti keel: võõrkeelest teiseks keeleks*. Tallinna Pedagoogikaülikooli eesti filoloogia osakonna toimetised 1, 2004. Lk. 59–90.

31. *Rannut Ü., Rannut M.* Tallinna õpilaste kodukeel // *Haridus*. Vol. (3–4). 2007. Lk. 7–10.

32. *Rannut Ü., Rannut M.* Tallinna õpilaste kodukeele uuring, I osa: vene keele mõju Tallinna õpilaste kodukeelele. 2010. Tallinn: Integratsiooni Uuringute Instituut.

33. *Rannut Ü., Rannut M.* Russification of non-Estonian pupils in Tallinn // *Eesti rakenduslingvistika ühingu aastaraamat*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2010. P. 243–259.

34. *Reimaa A.-L.* Eesti keelepoliitika ja tegelikkus. [Материалы конференции]. Espoo, Hanasaari – ruotsalais-suomalainen kulttuurikeskus. 2008.

35. *Potowski K.* Spanish language shift in Chicago // *Southwest Journal of Linguistics*. Vol. 23 (1). 2004. P. 87–116.

36. *Shannon V. P.* Threat perception and the psychology of constructivism // *International Studies Review*. Vol. 9. 2008.

37. *Tabouret-Keller A.* Language and identity // F. Conlmas (Ed.). *The Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. P. 315–326.

38. *Valdmaa S., Hallik K.* Mitmekultuuriline maailm pedagoogilisest aspektist. Õppevahend kõrgkoolidele. Tallinn: Jaan Tõnissoni Instituut, 2002.

39. *Valk A.* Identiteet. – J. Allik, A. Realo, K. Konstabel (toim.). *Isiksuse psühholoogia*. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2003. P. 225–251.

40. *Valk A., Karu K.* Attitudinal and behavioural attachment to the group: symbolic and concrete ethnic identity // M. Lauristin, L. Rahnu (Eds.). *Intercultural Communication and Changing National Identities*. Tartu: Tartu University Press, 1999. P. 73–87.

41. *Verschik A.* The language situation in Estonia // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 36 (3). 2005. P. 283–316.

42. *Verschik A.* Contacts of Russian in the post-Soviet space // *Applied Linguistics Review*. № 1. De Gruyter, 2010. P. 85–127.

43. *Vetik R.* *Inter-Ethnic Relations in Estonia 1988–1998*. Tampere: University of Tampere, 1999.

44. *Vetik R., Helemäe J.* (Eds.). *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia (IMISCOE Reports)*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011.

45. *Vihalemm T.* Eestlaste ja eestivenelaste eneseidentifikatsioon: sarnane või erinev? // R. Vetik (toim.). Eesti sotsiaalteaduste aastakonverents IV. Ettekannete ja teeside kogumik. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli kirjastus, 2004. Lk. 237–238.

46. *Vihalemm T.* Kultuurierinevused: identiteet ja väärtused // Eesti inimarengu aruanne 2007 (2007). Lk. 67–72.

47. *Woolhieser C.* Language ideology and language conflict in post-Soviet Belarus // C. C. O'Reilly (Ed.). *Language, Ethnicity and the State*. 2. 2001. New York: Palgrave, P. 91–122.

Поступила в редакцию 02.02.2015

E. Küün

Role of Survival of the Language as a Symbol upon Formation of Identity

One of the specificities of Estonia is that 24,8 % of Estonian population are Russians, and Russian-speaking population is 31,3 % of the local population (in accordance with Estonian Population and Housing Census 2011). The second ethnic minority after Russians are Ukrainians 57 % of whom speak Russian as their everyday language, and the next minority are Byelorussians 70 % of whom are Russian-speaking, and Russian language is dominating as everyday language in case of the rest of minorities (*ibid.*). Based on this data the influence of language shift and social processes on the respondents' ethnic identity (a big part whereof is language identity, see e. g. Iskanius 2005) should be researched more thoroughly inside the community. The aim of this research is to establish the influence of language environment, social factors and the extent of language shift on the respondents' ethnic identity. The review covers the areas of language environment with more dense Russian-speaking population than in other areas of Estonia (Kohtla-Järve and Paldiski).

Keywords: language shift, identity, language policy, the Russian language, the Estonian language, other languages.

Кююн Эльвира,

докторант лингвистики, ассистент по эстонскому языку,
Нарвский колледж, филиал Тартуского университета
20307, Эстония, Нарва, Ратушная площадь, 2
E-mail: Elvira.Kuun@ut.ee

Küün Elvira,

PhD degree in Linguistics, Estonian Language Assistant,
University of Tartu Narva College
20307, Estonia, Narva, Raekoja plats 2
E-mail: Elvira.Kuun@ut.ee